

**Дары
приносящие**

Максим Крячко

Максим Крячко
Дары приносящие

«Автор»

2026

Крячко М. А.

Дары приносящие / М. А. Крячко — «Автор», 2026

Пираты приносят письмо. В письме — спасение. В спасении — долг. В долге — ловушка. Леди Маргарет Аттердаг, последняя дочь разорённого войной рода, узнаёт: семейный банк «Золотая Латимерия» продан новым хозяевам — тем, кто режет глотки за звонкую монету. У неё есть три недели, чтобы сохранить остатки чести и не дать переписать историю на крови. Но в этом мире дары всегда имеют скрытую цену. И самый опасный из них — тот, кто молчит и считает цифры. Судьба дома решается в столичных кабинетах — но цена войны платится на земле, в сожжённых деревнях и пустых колодцах, куда не доходят письма. Пока одни торгуют будущим банка, другие просто пытаются дожить до завтра. Однако ни те, ни другие ещё не знают, что все они — и дарители, и принимающие — лишь пешки в чужой игре. «Дары приносящие» — роман о деньгах, крови, умении молчать и о том, что любой дар, даже самый щедрый, всегда несёт в себе тень.

© Крячко М. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Приятное знакомство	5
Глава 2. Золотая Латимерия	9
Глава 3. Язык цифр	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Дары приносящие

Глава 1. Приятное знакомство

Timeo Danaos et dona ferentes.

Бойся данайцев, дары приносящих.

Шел последний день весны. Зелень, окрепшая после затяжной зимы, захлестнула поместье Ингерского Владыки; белые облака то и дело заслоняли землю от солнца, легкий ветер покачивал кроны деревьев.

Леди Маргарет провела в молитвенном зале все утро. Недавнее письмо принесло сразу две вести: война окончена — и заплачено за это жизнями девяти из десяти сыновей Владыки. Из братьев уцелел один — наследный Брайден. Он писал, что, покончив с делами, прибудет в столицу сам. Год назад они покинули Дворец с личного дозволения Императора и с тех пор переживали потерю за потерей, рассылая письма с просьбами о помощи сановникам, столичным чиновникам и некогда близким аристократическим семьям. Помощи, как и следовало ожидать, не последовало.

Когда молитва об упокоении была окончена, служанки приготовили омовение.

— Мы позволили себе смелость добавить в воду лавандовый экстракт, — почтительно сказала Брицель, старшая служанка. — Ваша кожа слишком бледна. Неужели вы хотите, чтобы брат после столь долгой разлуки увидел вас такой?

— Все в порядке. Лето пришло — солнечное тепло само оздоровит мое тело. — Госпожа помолчала. — Вчера мне писал Управитель Красной Стены. Приглашает нас с братом посетить его резиденцию. Что, по-вашему, стоит ответить?

— Я не смею давать советы... — замаялась Брицель.

— Еще недавно смела, — отрезала Маргарет. — А ты, Серана?

Вторая служанка ненадолго задумалась. Она привыкла молчать и исполнять, а не делиться собственными воззрениями, — за это ее и ценили; за это наследный сын Владыки и даровал ей право прислуживать своей единственной сестре наравне с дочерьми ингерской аристократии.

— Если позволите я отвечу: «Управителю следует отнестись так, как он сам отнесся к семье Госпожи в трудный час. Осмотрительно и рассудительно».

— Рассудительно? — переспросила Маргарет. — Разве Управитель не клялся в дружбе мне и братьям? Разве брат не оказывал ему поддержку? Но стоило солнцу зайти, как он отказался помочь даже в самой малости. Это, по-твоему, рассудительно?

— Ваша раба просит прощения за свои слова.

Маргарет не ответила. Она погрузилась в воду с головой, вынырнула и прошептала едва слышно:

— Все в порядке... Все в порядке.

Столице отводилась роль клетки — надежной, золотой, но все-таки клетки. Брошенной здесь девушке оставалось ждать развязки: последствий войны в Ингерии, и от пропасти не менее мрачного будущего ее ограждал разве что упрямый, почти безумный оптимизм.

Тем сильнее было удивление, когда деревянный пол задрожал и в комнату беспардонно ворвались сразу три служанки.

— Госпожа... ох, Госпожа! — задыхаясь, заверещали раскрасневшиеся женщины. — Беда, Госпожа! Драка!

* * *

Поместье стояло в семидесяти километрах от столицы: пятиугольная вилла на холме, укрытая лабиринтом террасных садов. Пять этажей и широкие высокие окна придавали дому сдержанный, почти грозный вид, и случайный путник ни за что не заподозрил бы, какие росписи и убранства скрываются внутри.

Компания головорезов, окруженная стражей, расположилась прямо посреди тракта, ведущего к главному входу. Полтора десятка вооруженных мужчин мирно уселись в круг на прогретую дорогу — словно пришли на завтрак к старому другу. Бернард — кастелян двора, с возмущением и опаской следил за каждым движением на удивление спокойных разбойников. Прошло немногим более получаса прежде чем из ворот показалась Маргарет в кольце стражи и служанок, кое-кто из сидевших соизволил проявить деятельность: встать.

Когда она прошла половину пути, Бернард приказал страже начинать бойню при первом же подозрительном движении и двинулся навстречу.

— Ваше...

— Довольно, — отмахнулась Госпожа. — В чем дело? Кто эти люди?

— Говорят, ваш брат послал вам письмо. На досмотр не дали — велено, мол, передать лично в руки. Оружие тоже не сдали.

Девушка нахмурилась. И все же что-то подсказывало ей выслушать людей, с такой настойчивостью искавших встречи. Из глубины самопроизвольного круга вышел коренастый мужчина с рыжими, как беличий мех, просоленными волосами; за ним — двое высоких, русых, с едва заметной щетиной.

Леди Маргарет не была обучена военному делу, но по одному обилию клинков и арбалетов поняла: перед ней стоят очень необычные гости.

— Доброго здравия и светлых дней, ваша милость, доброго здравия, — с жабьей улыбкой и легкой хрипотцой протянул рыжебородый. Он изобразил нечто вроде реверанса, отчего лицо его сделалось только отвратительнее. — Меня зовут Маркус, я предводитель каперов из Семиликих островов. Властитель Брайден, наследник Ингерии, послал нас разместиться в этой резиденции до его приезда и передать вам его письмо.

Маргарет помолчала, обдумывая слова. Еще больше усилий ушло на поиски в памяти слова «капер» — и, не найдя такого ни в ингерском, ни в латенском, ни в имперском языках, она бесстрастно уточнила:

— Каперов? Быть может, вы попросту имели в виду... пиратов?

Из пасти Маркуса вырвался звук, похожий на смех, прерванный мокротой.

— Гхе-хе... Ваша милость, свободными пиратами мы были, пока не сняли блокаду с северных портов Ингерии и не сожгли обозы под славным городом Дуггеном. Ныне мы на службе его превосходительства Владыки — вашего, на минутку, отца, если вы запомнили, — и в награду за службу получили его покровительство и грамоту о признании свободы Семиликих островов. Разве можно называть нас «просто пиратами»?

Слова его понемногу переходили в шипение, и гнилые зубы уже казались острыми кинжалами.

— Где письмо брата? — холодно спросила Маргарет.

— Двейн, не предоставишь ли ее милости письмо дорогого и всеми нами уважаемого Властителя? — эту фразу Маркус произнес на ломаном языке крестьянской Латени, и только тогда Маргарет начала понимать, какой тяжелой выдалась междоусобная война. Отец, вынужденный прибегнуть к пиратам, — это одно. Но если дошло до призыва латенских крестьян с юго-западных окраин Ингерии — значит, резня прокатилась по ее дому вдоль и поперек.

Высокий мужчина слева от Маркуса достал из-под плаща смятое, заляпанное письмо и неспешно направился к девушке. Миновав стражу, он протянул бумагу так, словно совал кошель с медяками бродяге, а не единственной дочери Ингерского Владыки.

— Вы не из Латени, — сказала Маргарет.

Незнакомец обернулся и уронил сухое, глухое:

— Нет.

Этот удар она стерпела. Сломав восковую печать — плывущий корабль в обрамлении колосьев, — Маргарет углубилась в чтение. Под перешептывание слуг она менялась в лице и все больше сомневалась в незнакомцах. Но не в письме. В нем была мелочь, известная лишь ее братьям, — мелочь, которую пропустил бы всякий, кто о ней не знает.

— Где же тогда рыцари Брайдена?

— Погибли, ваша милость. Так бывает, когда неподготовленные люди пускаются вдогонку за шхунами Семиликих островов непривычным для торговцев маршрутом. Их убил шторм — в соучастии со скалами, — и спасти благородных господ мы никак не смогли. Увы, — с ноткой иронии ответил Маркус. — Так бывает.

— В письме сказано, что брат прибудет в течение трех недель и просит разместить вас со всеми почестями. Но я не могу доверять людям, которые не сохранили ни одного человека, способного поручиться за их благоразумие.

— За благоразумие? Что скажешь, Дрейк? — бросил Маркус.

Мужчина по правую руку тяжело вздохнул, провел ладонью по волосам и ответил голосом, полным неудовольствия:

— Понятия не имею, Маркус. Из всего вашего разговора я понял два вопроса — тот, что задали Двейну, и этот. Я не говорю на ее языке.

Брови Бернарда взлетели от возмущения. «Ее»? Да эти латенские щенки хоть понимают, с кем разговаривают? Рука сама потянулась к ножнам. Госпожа тоже была поражена — чудовищно поражена, но иным. Латенским она владела с трудом, южный акцент разбирала еще хуже, а крестьянскую речь — едва-едва. Однако самый строй слов незнакомца говорил однозначно: этот язык ему не родной. Совсем не родной.

— Леди отказывается принять нас, несмотря на столь долгий путь: мы, дескать, не берегли никого, кто мог бы засвидетельствовать нашу разумность, — перевел Маркус.

— Сколько у нас с собой денег? — спросил худощавый Двейн.

— Достаточно, — со смешком ответил предводитель каперов. — Вполне достаточно.

— Тогда уходим. — От этих слов у Госпожи отлегло от сердца — но лишь на миг. — Мы заберем свое на ее Родине.

Двейн говорил лениво, но внятно. Он смотрел на Маргарет — и будто сквозь нее: казалось, разглядывать пейзажи и свиту княжны ему куда интереснее, чем вести злополучный разговор. Такое чувство возникало у нее нечасто и раздражало до крайности. «Слишком надменны», — подумала Госпожа.

Затем прозвучало твердое:

— Если.

— А знаете, к чему еще подходит слово «если»? — не выдержал Берnard, пренебрегая слабостью собеседников к ингерскому наречию. — «Если» уйдете. «Если» выживете.

Маркус перевел — с легким смешком. Играть в «брось угрозу покруче» ему нравилось: всегда приятно играть в то, что умеешь. В то, чем зарабатываешь. С ленивой наглостью предводитель пиратов побрел в центр круга, поднял с дороги саблю, следом кинжал, нацепил их на пояс и повернулся к княжне.

— Чтобы вырастить воина, нужно отдать его воспитанию лет двадцать, а то и двадцать пять. Первые три-четыре года он еще может держаться маминой сиськи, но дальше его ждут годы голода и холода, десятки драк и десятков потерянных товарищей. Вы уверены, что готовы терять таких людей лишь потому, что мы недостаточно низко поклонились? Драки никто не хочет. Но никто от нее и не бежит.

Пираты ощетинились. Их оружие — ухоженное вопреки виду хозяев — заблестело на солнце. Несколько рук легло на арбалеты, но ни один так и не поднялся в горизонталь.

Стража сомкнулась плотнее.

Маргарет думала. О бойне, разумеется, речи не шло; выбор был иным. Взять этих обрванцев под покровительство — или сунуть им вексель с остатками денег и отпустить по столичным борделям? Она не знала, можно ли на них положиться. Но на кого в этом проклятом мире вообще можно положиться? Письмо, написанное для нее наследным братом, принесли эти люди — и принести его должны были именно они, тут сомнений не оставалось. Ей это не нравилось. Чертовски не нравилось. Но по всему выходило, что новыми друзьями семьи стали пираты Семиликих островов и латенские — или не совсем латенские — наемники. В таком упадке семья не была никогда. И кто знает, вправе ли она отворачиваться пусть от голодных, плешивых, злобных — но, по всей видимости, своих псов.

Глава 2. Золотая Латимерия

Прошла неделя. Леди Маргарет сидела за длинным прямоугольным столом в темно-синем шелковом платье; золотистые волосы прикрывала изысканная беретка с жемчугом, бледные руки прятались в длинных рукавах. За спиной стояли несколько евнухов и Брицель. По правую руку от Госпожи расположился кастелян Бернард Баттиста, за ним — мажордом Севирус Безродный. Напротив, откинувшись на спинку громоздкого резного стула, хмурился Маркус.

— Ваше благородие, так продолжаться больше не может! Эти люди обязаны соблюдать правила резиденции — или покинуть ее! — со звонким возмущением произнес Севирус.

Госпожа кивнула:

— Продолжай.

Севирус осторожно покосился на Маркуса, затем на Маргарет, покряхтел, подбирая слова, и наконец заговорил:

— Люди... господина ведут себя неподобающе! Это возмутительно! С тех пор как их расселили с семьями нашей достопочтенной стражи, они лишь напиваются и буянят, затем опять напиваются...

— И опять буянят? — приподнял брови Маркус. — А вы красноречивы.

— Верно! То есть... нет. То есть... — пропищал мажордом. — Они пьют и едят за троих, и никто не заплатил за истраченные запасы ни пенса!

Воцарилась тишина. Госпожа обдумывала услышанное. Как ни посмотри, седой долговязый мужчина лет тридцати пяти, интеллигентного — для простолюдина — вида, вел себя непростительно истерично. «Неужели мажордом и вправду решил, что я в одночасье стала слепой и глухой девой?»

— Ваше благородие, эти люди избили сына кузнеца, пя-я-ять человек личного состава и сломали руку лакею! Они опасны. Опа-а-асны!

— Шесть человек, — уточнил Маркус, и скулы хмурого Баттисты натянулись, как тетива перед выстрелом.

— Шестой сам бросил вызов вашему человеку. Его глупость наказана справедливо, — с неподдельной ненавистью пояснил Бернард. — В этом проблемы нет.

Маркус зло улыбнулся и покачал головой:

— Кое в чем вы неправы. Дрейк — не мой человек. Он ревизор Золотой Латимерии.

Баттиста с недоверием взглянул на Маргарет. Та коротко кивнула:

— Лорд Маркус Семиликий говорит чистую правду. Но речь не о том.

«Лорд?!» — беззвучно возопил бровями мажордом.

— О чем же тогда, позвольте спросить? — холодно поинтересовался Маркус. — Вы поселили в бараки полтора десятка мужчин, которые весь последний год резали глотки, насиловали, грабили, жгли и травили. Чего вы ждали, не дав им никакой работы, — кроме пьянства, домогательств и драк?

— Дисциплины, — сказал Бернард.

— Уважения, — сказала Госпожа. — Вы всего лишь гости.

Мажордом промолчал.

— Ваше благородие, вы хоть на миг задумались, зачем Властитель прислал сюда именно нас? Нас — го-ло-во-ре-зов.

Маргарет нахмурилась.

— Владыка отдал мне в распоряжение несколько портов с землей, признал Семиликие острова вотчиной и возвел меня в титул барона. А знаете ли вы, что получили те двое, что прибыли со мной?

— Я сама решаю, кто и что достойно моего внимания, — отсекала Госпожа.

Лицо лорда растянулось в высокомерной улыбке.

— Ваши люди были так озабочены собственным положением, что лишь сидя здесь сообразили: я — лорд, и со мной нельзя обращаться как с жалким пиратом. Я терпел — как и подобает гостю. Но ваши подданные потеряли нюх. Они некомпетентны. А некомпетентность — преступна.

Зубы Баттисты заскрипели, ноздри раздулись, глаза налились кровью. Маркус спокойно продолжал:

— Вы хоть раз пригласили Двейна или Дрейка на аудиенцию?

— Кажется, вы не сознаете своего места, — заключила Маргарет. — Мне не интересны безродные.

— Правда? — Маркус построил морду обиженной лошади. — Тогда вы откровенно глупы, раз позволяете себе такое обращение с совладельцами и аудиторами Золотой Латимерии. Вашего, на минутку, родового банка — проданного по частям стаям наемников в уплату за помощь, оказанную на войне. И уверяю: драки, вино и похоть моих людей — ничто рядом с теми бедами, в которых тонет семья Аттердаг.

— Зачем вы прибыли сюда? — мрачно спросила Маргарет.

— Забрать то, что принадлежит нам по праву, — банк. Ну и вытащить ваши задницы из дерьма.

— Довольно! — взревел Баттиста и грянул кулаком о стол с такой силой, что рука на миг онемела. — Как вы смеете!

Маркус откинулся на спинку и посмотрел рыцарю в глаза.

— Смею, — произнес он исподлобья. — А ты — смеешь?

Бернард не верил собственным ушам. Наглый выродок! Но что мог Бернард Баттиста, жалкий рыцарь? Вызвать лорда на бой — тому ничего не стоило отказаться. Разница положений превращала поединок в свару щенка с матерым псом. А впрочем...

— Госпожа, я готов драться от вашего имени!

Маргарет молчала. Золотая Латимерия — банк, который всю сознательную жизнь строили поколения за поколениями; банк, питавший торговлю между сердцем Империи и Ингерией; банк, приносивший семье многочисленные ее богатства, — продан крестьянам и пиратам. Безумие. Нет-нет, этого не могло произойти! В письме гости названы аудиторами, их цель — проверить состояние столичного филиала. Но эти глаза... Эти серые, крошечные, отвратительные глаза не лгали. Она не знала наверняка — она чувствовала: жабьемордый не лжет. И это пугало.

— Госпожа? — позвал Баттиста чуть громче, чем позволял этикет.

Маргарет молчала непозволительно долго. Достаточно долго, чтобы всем присутствующим стало очевидно: о продаже банка она не знала.

— Вы свободны, сэра Баттиста. Заберите с собой мажордома. На этом аудиенция завершена. Дозволяю вам применять силу к любым нарушителям — в той мере, в какой требует закон, — холодным полусшепотом проговорила Госпожа.

— Да... — Баттиста помедлил. — Да, ваше благородие.

— Лорд Семиликий, вы останетесь здесь. Пригласите сюда аудиторов. И принесите наконец завтрак!

* * *

Дрейк вытянул перевязанную руку и с высокомерной улыбкой разглядывал упитанного старшего сына кузнеца. Они приветственно стукнулись кулаками и разошлись по краям очерченного ринга.

— Как тебя зовут? — на кривом имперском спросил Дрейк.

— Тормунд.

— Тормунд, я даже не стану блокировать твои удары. — Дрейк улыбнулся, вставил в рот нечто похожее на стеклянный ободок, и его зубы обрели острую, как скалы, форму. — Пере-
выу-еди.

Дум-Дум повторил его слова на имперском, и челюсть Тормунда выехала вперед от зло-
сти. Хлопок в ладоши — Дрейк сместился к центру, где его встретил град ударов здоровен-
ной детины. Сын кузнеца молотил ручищами, как цепями; верткий Дрейк лишь уводил лицо и
корпус назад и легкими пружинистыми движениями постукивал его по лбу. Толпа засмеялась.
Он и вправду не блокировал: руки висели вдоль тела, изредка взлетая к глазам, — и следовало
звонкое «чвак-чвак». Всякий раз Тормунду удавалось разве что отогнать соперника, за чем
непрерывно прилетала пара унижительных щелчков. Поняв, что выдыхается, сын кузнеца стал
целить по корпусу.

Дрейк уходил от удара за ударом, пока Тормунд из последних сил не вбежал в него и не
достал по животу. Дрейк ухнул, щелкнул того в ухо и отпрыгнул. Пресс жгло. Соперник был
чудовищно неуклюж и не имел ни намека на технику — но обладал бычьей силой и, судя по
всему, огромным желанием отомстить за младшего брата. Их разделяло два метра; Тормунд
тяжело дышал. Они кружили друг за другом, как пес за собственным хвостом, пока из толпы
не крикнули:

— Минута!

Дрейк улыбнулся, ткнул пальцем в собственный подбородок и вытянул его вперед. Под-
прыгнул к Тормунду — тот не ударил. Повторил. Наконец, когда они сошлись слишком близко,
сын кузнеца рванулся, получил несколько ударов в ухо и челюсть — и одним мощным толчком
снес Дрейка в сторону. Именно толчком: широкая ладонь встретила плечо. Улыбка исчезла.
Дрейк задумчиво наклонил голову вправо, влево, оскалил прозрачные накладные клыки и как
ни в чем не бывало протянул кулак вперед. Сближаться Тормунд больше не стал, и через два-
дцать секунд прозвенело:

— Разошлись! Разошлись!

К сыну кузнеца подбежали младшие братья, поднесли бурдюк с водой и суетливо зата-
раторили. Дрейк вынул изо рта накладные зубы, уложил их в аккуратный чехольчик и с улыб-
кой ловил восхищенные взгляды служанок и деревенских девушек. Впрочем, он ловил их всю
последнюю неделю: Дрейк был заметно выше любого здешнего мужчины, а тело его сохраняло
рельеф. Никто, конечно, понятия не имел, насколько он исхудал и как просела за три года его
подготовка, — но и того, что осталось, хватало с избытком.

— Такого мамонта хрен свалишь! — заявил Дум-Дум. — Но пару раз ты его смачно
чапнул.

— Ерунда, — отмахнулся Дрейк. — Дури в нем много, а такими ударами разве что бабу
гладить.

Чернокожий пират прыснул от смеха.

— Ты глянь: вся родня сбежалась. Как бы толпой не накинулись за своего малыша.

— Не убьют. А раз не убьют — накажем позже. Да, Двейн?

Двейн сидел в стороне с молоденькой служанкой и отозвался рассеянным:

— Угу.

Дрейк усмехнулся. Забавно: они знали по меньшей мере три языка — и ни один здесь
не пригодился. Поговорить было не с кем, и единственным сносным развлечением, помимо
пьянства, оставался бокс. По правде говоря, Дрейк немного завидовал товарищу: Двейну уда-
лось выцепить тихую, миленькую служанку, единственную во всем поместье, кто сносно бол-
тал на фронтире. Помимо теплой постели, хотелось иногда передавать свои мысли не одними
лишь жестами.

— Маркус ничего не говорил насчет работы?

— Нет, — ответил Дум-Дум. — Я думал, мы на заслуженном отдыхе.

— На отдыхе, — подтвердил Дрейк и повернулся к сыну кузнеца. — Ну что, готов?

Едва Дум-Дум перевел его слова на имперский, сбоку послышался неразборчивый крик. Обернулись: к рингу бежал юноша-лакей. Серана поднялась и молча отступила от Двейна на положенные приличием два шага. Когда лакей приблизился настолько, что слова стали различимы, Дум-Дум удивленно пересказал:

— Говорит, кого-то зовет Госпожа. Раз бежит сюда — значит, нас.

— Госпожа? — переспросил Дрейк.

— Девчонка, которая нас встречала.

— Понятно, — безразлично уронил он и снова достал из чехла капю. — Подождет.

Лакей еще несколько раз попытался втолковать глупым пиратам, что Госпожа не в том настроении, чтобы ждать, — она вообще ждать не привыкла, — но Дум-Дум предложил ему заткнуться, пригрозив в противном случае натянуть губы на задницу, и юнец умолк. Дум-Дум всегда знал, как вести переговоры с теми, кто слабее.

Дрейк и сын кузнеца вновь стукнулись кулаками. На этот раз Тормунд не повелся на манерность соперника и не сдвинулся с места, даже когда тот вышел в центр. План его, по всей видимости, остался прежним: нахрапом врубиться в Дрейка и отметелить его до состояния каши. Но для этого сам Дрейк должен был оказаться в углу ринга — а он, стоило Тормунду броситься, закружил того, как свинью в вольере. Теперь дистанцию держал уже Дрейк: пользуясь ростом, он настукивал по голове — вдвое быстрее прежнего, чаще, но слабее — и уже совсем не улыбался. Когда Тормунду все же удалось сблизиться, достать по животу и раз щелкнуть по лицу, Дрейк и вовсе помрачнел. Он повел губами из стороны в сторону, раздул ноздри, тяжело задышал. Тормунд улыбнулся. Дрейк зловеще наклонил голову влево, вправо и вытянул левую руку вперед. Резво подскочил, пару раз попал свингом в блок, парировал выпад мамонта и отошел к краю, дыша тяжело и зло.

Тормунд не торопился. Он какое-то время примеривался, а затем буквально вбежал в Дрейка — и тот коротким прямым в корпус сбил ему дыхание, свингом достал челюсть и правым апперкотом отправил на землю. Когда сын кузнеца рефлексивно попытался встать, Дрейк с размаху ударил его ногой в бок и принялся молча забивать кулаками по лицу. Лишь подоспевшие Дум-Дум, Двейн и братья Тормунда сумели стащить его с поверженного. Белая ткань на руках пропиталась свежей кровью.

Мальчишка-лакей смотрел на это с ужасом. Подойдя ближе и разглядев лицо сына кузнеца, он решил, что угроза Дум-Дума была сегодня далеко не самым страшным из услышанного.

По дороге к вилле лакей не смел лишний раз обернуться. Он даже не возразил, когда Дум-Дум увязался следом, хотя Госпожа явно желала видеть лишь двоих.

— Зря ты это сделал, — наконец заговорил Двейн.

— Они должны понимать субординацию, — парировал Дрейк.

— Они будут нас ненавидеть.

— Пусть ненавидят. Пока боятся.

Двейн вздохнул. Он часто не разделял мнения Дрейка, но помешать его своеволию не мог. Со стороны эти двое различались, как зима и лето, — и лишь они сами знали, что это не так. Так или иначе, конфликт уже родился, и разрешать его предстояло либо Двейну, либо Маркусу.

Как всегда. Так привычно...

Глава 3. Язык цифр

Завтрак накрыли в малой столовой, окнами в терновый сад. Маргарет выбрала ее намеренно: парадный зал был слишком велик для четверых и слишком честен — каждое слово отдавалось в нем эхом, а эха она сегодня позволить себе не могла.

Маркус ел так, словно последние двадцать лет только и делал, что завтракал с герцогскими дочерьми: неторопливо, с прямой спиной, промокая губы салфеткой. Это раздражало сильнее, чем если бы он рвал мясо руками. Человек, играющий чужие манеры, опаснее человека без манер: он умеет быть кем угодно.

Аудиторы явились, когда подали второй чайник. Первым вошел Двейн — худой, собранный, с тетрадь под мышкой. За ним Дрейк, на ходу оправляя рукав; сквозь свежие бинты на костяшках проступали ржавые пятна. Дум-Дума стража развернула у дверей: на этот раз Госпожа ждала двоих.

— Прошу простить вид моих людей, — сказал Маркус. — У них было утреннее упражнение.

— Я слышала. — Бернارد успел доложить: сын кузнеца жив, но узнает его теперь разве что родная мать. — Ваши упражнения обходятся моему дому дороже ваших обедов.

— Значит, пора отработать и то и другое. — Маркус отодвинул тарелку. — Начнем, ваша милость?

— Начнем с оснований. Прежде чем эти господа притронутся к книгам филиала, я желаю видеть, по какому праву.

Маркус кивнул — так, будто ждал именно этого и остался доволен, — извлек из тубуса пергамент и развернул его на столе, прижав углы чайными чашками. Маргарет читала медленно. Пятьдесят один процент долей в праве на Золотую Латимерию. Право управлять и распоряжаться двумя портами дома Аттердаг на землях Империи. Внизу — подпись, которую она узнала бы из тысячи, и оттиск печати: плывущий корабль в обрамлении колосьев. Та же печать, что на письме. Та же рука.

Она прочла договор дважды. На втором круге нашла то, что искала.

— Здесь нет заверения имперского нотариуса, — сказала она ровно. — Нет подписей имперских чиновников. Ни одного свидетеля со стороны короны. По законам Империи такая сделка... — слово она выбирала не ради точности, ради удара, — ничтожна.

— По законам Империи, ваша милость, ваш брат пока не герцог: Император не подписал признание, — Маркус даже не переменял позы. — По обычаям Империи ваша верительная грамота недействительна: ее заверило преосвященство, а не нотариус. Все мы за этим столом немножко ничтожны. — Он улыбнулся. — Потому нам и нужна ратификация. Вам — живой банк и деньги. Нам — законная доля. Порознь мы — бумага без печати.

— А если ратификации не будет?

— Тогда останется долг. — Маркус бережно свернул пергамент. — А долг, не оформленный бумагой, взыскивают иначе. Вы умная девушка. Не заставляйте меня договаривать.

— Книги, — впервые подал голос Дрейк. Имперские слова он ставил, как сваи: редко и глубоко. — Книги филиала. Все.

Послали за Севирусом. Мажордом явился нескоро, кланялся много, ключи от архива искал еще дольше. Наконец на стол легли три тома в телячьей коже и перевязанные бечевой пачки расписок.

Двейн не произнес ни слова. Он разложил тома по какому-то собственному порядку, раскрыл тетрадь, взял грифель — и исчез. Тело осталось сидеть за столом: длинные пальцы шли по строкам, губы беззвучно шевелились; все прочее ушло туда, куда Маргарет хода не

было. Никому не было. Бухгалтерия велась иероглифами и мало кто вообще был способен в них разобраться.

— Не обращайтесь внимания, ваша милость, — сказал Маркус, не понижая голоса. — У Двейна с цифрами разговор короче, чем с людьми. Ему они не врут.

Пока Двейн читал книги, Маркус читал ей сам банк — вслух, безжалостно, как читают приговор. Столичный филиал, которому положено стоить дороже трех портовых контор вместе, ест деньги. Вклады новых вкладчиков уходят на проценты старым. Хотя это, пожалуй, лучшая новость (ведь если есть вкладчики – банк жив). Векселя дома Аттердаг принимают со скидкой в треть, и скидка растёт.

— Ваш банк, ваша милость, мертв, — закончил он. — Просто он хорошо одет и еще не пахнет.

Маргарет слушала и держала спину. «Все в порядке, — повторяла она про себя. — Все в порядке».

Грифель стукнул о стол — негромко, дважды. Двейн развернул тетрадь и подвинул ее на середину: два столбца цифр и третий — разница. Потом заговорил на своем языке, быстро, короткими связками слогов. Маркус слушал, и с каждой связкой улыбка сходила с его лица, как вода с камня.

— Двейн говорит: в книгах два почерка, — перевел он наконец. — Один считает. Второй поправляет. За три года из филиала утекло... — он назвал сумму, и стоявший у дверей Севирус сделался блее собственного воротника. — Платежи без назначения, на предъявителя. И бумага, заметьте, всякий раз одна и та же. — Маркус поднял расписку к окну. Сквозь лист проступил водяной знак: зубчатая корона над стеной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.